

Трифонова М.К.
НАУКА КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2:00

Культурное пространство в любую историческую эпоху включает в себя множество больших и малых системных образований разного рода и разной степени сложности, например, архитектура, театральное искусство, спортивные игры, та или иная духовная традиция. Характерным примером последней может служить традиция йоги, которая возникла в Древней Индии и прошла в своем развитии несколько фаз, включая современную.

Исторический анализ системных образований культуры позволяет выявить универсальную модель их эволюционного развития, которая предполагает четыре основных стадий:

- зарождение (эмерджентность) и становление,
- конституирование (нормативность) и классический этап развития,
- реформирование (релятивизм, критицизм) и неклассический этап развития,
- технологизация (прагматизм) и постнеклассический этап развития.

Рассмотрим указанную модель применительно к науке как феномену культуры.

Наука как форма *теоретического освоения мира*, как специфическая сфера рациональности возникает в лоне нескольких древнейших цивилизаций (Вавилон, Египет и др.). Но в наиболее отчетливой форме этот феномен выкристаллизовывается на почве древнегреческой культуры. Именно здесь *теоретическое* как особая ипостась духа резко противопоставляется миру *практического*. Сам термин «теория», «теоретическое» означает сферу «созерцаемого» (заметим, кстати, что это касается как науки в узком смысле слова, так и философии).

С чего же начинается наука? Как форма духа она возникает с того момента, когда в социуме появляются группы людей, вовлеченных в особую сферу деятельности, которая напоминает некий тип интеллектуальной игры. В чем коренная особенность этой игры? В том, что люди занимаются ею вне всякой связи с их повседневным существованием. Интересы обыденного мира, меркантильные цели и соображения, вопроса выгоды, обогащения, получения социальных преимуществ, прибыли, т.е. всего того, чем каждодневно занят любой практичный человек в своей борьбе за выживание, – все это не только отходит в этой игре на задний план, но вообще никак не присутствует в ней. Так ведут себя дети, когда они играют не ради достижения какой-то практической выгоды, а ради чистого удовольствия от самой игры как самоценности.

Из данного обстоятельства вытекает то важное следствие, что в этой игре ум человека не загружен, не отягощен прагматическими установками, практическими соображениями, он как бы абсолютно свободен для чистого полета мысли, вернее сказать, он ограничен здесь только одним - нацеленностью на свой предмет, на поиск объективной истины. Здесь следует обратить внимание на одно фундаментальное гносеологическое обстоятельство. Установки и мотивы человеческой деятельности не просто как-то влияют на процесс познания, они задают интеллектуальные перспективы видения объекта, фокусируя одни его свойства и оставляя вне сферы внимания другие. Важно иметь в виду, что установки и мотивы субъекта познания только потому детерминируют выбор того или иного ракурса видения реальности, что они сами актуализированы в сознании системой предметно-практических отношений, в которые встроены человек. В этом смысле занятие наукой формирует особую, возникающую в лоне культуры познавательную позицию субъекта, в рамках которой предмет фокусируется в его строго объективных качествах, благодаря чему поиск истины идет как бы «в чистом виде», где ничто и никто не влияет на этот процесс, никак его социально не направляет, не детерминирует и не деформирует. Тем самым постепенно формируется особый этос науки, где истина становится ключевой ценностью, целью и смыслом игры.

Следующей особенностью этой деятельности является то, что она своим объектом имеет не какие-то стороны «жизненного мира» человека, не явления и события окружающей действительности, а «мир надобыденного», то, что не является предметом повседневного размышления массовидного индивида. В предметном поле науки имеют дело с вопросами, которые чужды, а порой, непонятны и странны для человека с улицы: как устроен мир, делимы ли вещи до бесконечности, на каком расстоянии от Земли находится Луна, отчего возникают солнечные затмения? Нельзя сказать, что для обычных людей во времена возникновения науки вопросы подобного рода вообще не представляли никакого интереса. Ведь у человека всегда была потребность в мировоззренческой ориентации. Но эту потребность удовлетворяла мифология, религиозные верования, обыденное мировоззрение. В более детальном и объективном понимании «наджизненного мира» человек, как правило, не нуждался. Поэтому проникновение теоретической мысли в этот второй план бытия многими воспринималось как прихоть ума, как увлечение решением головоломок, как некая интеллектуальная забава отдельных чудаков. В отличие от замкнутого, ограниченного «жизненного мира» людей, надобыденная реальность характеризуется тем, что она является «открытой», одним концом соприкасающаяся с повседневным бытием, а другим концом уходящая в бесконечность – как вширь, в просторы Космоса, так и в мир бесконечно малых корпускул.

Было бы неверно думать, что к моменту возникновения науки человечество никак не сталкивалось в процессе своей культурной эволюции с существованием надобыденных пластов бытия. Напротив, сама суть культуры, сам процесс культурогенеза тесно связан с попытками человека так или иначе осмыслить иные планы универсума, и прежде всего мир сакрального. Поэтому появление разнообразных духовных практик

трансцендирования, формирование первобытных верований и мифологических форм сознания – важнейшее направление созревания культуры как таковой.

Появление в культурном пространстве сакрального измерения в жизни людей было тесно связано с внутренними потребностями функционирования Традиции (как ее трактовал Р. Генон). В обществе с необходимостью возникают профессиональные группы людей, которые образуют слой служителей культа с их специфической практикой и идеологией (напр., древнеегипетские жрецы). Другими словами, хотя план сакрального надстраивается над обыденным интервалом, он по своим функциям был органическим дополнением этого последнего, ибо глубинным образом выражал чаяния и экзистенциальные смыслы рода и индивида. Совершенно другую картину мы наблюдаем в отношении формирования надобыденного мира науки. Для сакральной сферы характерно то, что она, с одной стороны, противопоставляет упорядоченному ходу вещей мирской жизни, ее конечным, частным целям и ценностям, а с другой стороны, выступает их источником, их смыслообразующей, конструктивной матрицей, архетипом. Напротив, пространство научного разума на стадии становления науки замкнуто, отгорожено от всех других измерений человеческого бытия. Существенно, однако, то, что на последующих этапах развития наука приобретает мощную духовную составляющую. Более того, наступит такой момент цивилизационного развития (XIX – XX вв.), когда наука станет важнейшим источником и генератором, определяющим смыслы истории и перспективы общественного прогресса. Она, как и другие формы духовного производства, сформулирует в своих недрах свой особый культурно-исторический тип духовности. Наука не только внутри своего этоса, но и для общества сформирует картину мира, систему ценностей и понятные для всех смыслоразличительные идеалы. Колоссальные успехи науки позволят ей взять на себя таким образом мировоззренческую функцию и в качестве определенной системы ценностей выступить альтернативой другим формам духовного производства.

Однако в период своего становления наука еще замкнута как по отношению к мирской жизни, так и по отношению к другим надобыденным мирам. Теоретическая рациональность, как уже отмечалось, не возникает как продолжение конечных интересов людей и не включает в себя семантическое поле обыденных смыслов. Для своих познавательных нужд наука разрабатывает свой абстрактный язык терминов. Этот мир не только не понятен индивиду (это справедливо и в отношении сакральных миров), но и не имеет для него практической ценности.

В противоположность науке, сакральное с момента своего возникновения имела четкую локализацию не только как мир воображаемого, отличного от сферы человеческого опыта, но и как чувственно воспринимаемые артефакты. Известно, например, что процесс сакрализации предполагает установление эмпирических границ священных мест. Это может быть священная роща, определенный участок земли, обнесенный оградой. Такой участок уже не принадлежит людям, – а тем или иным божествам. Сакральное всегда отделено от мирского, профанного видимой или не видимой границей и образует особый хронотоп.

Й. Хейзинга в связи с этим указывает, с одной стороны, на сходство протекающего в хронотопе священнодействия с игрой как таковой, с другой – на особый, замкнутый на себя, характер этой игры. Он пишет: «Формально отсутствует какое бы то ни было различие между игрой и священнодействием, то-есть сакральное действие протекает в тех же формах, что и игра... Арена, игральный стол, магический круг, храм, сцена... – все они, по форме и функции, суть игровые пространства, то-есть отчужденная земля, обособленные, выгороженные, освещенные территории, где имеют силу свои особые правила. Это временные миры внутри мира обычного, предназначенные для выполнения замкнутого в себе действия» [1, с. 29].

Стадия становления науки сменяется стадией конституирования. Именно с этого момента появляется наука в собственном смысле слова. Здесь уместно сделать одно замечание. Уже в рамках древнегреческой культуры начался процесс расслоения некогда единого надобыденного мира «теоретической рациональности»: на сферу науки в узком смысле слова и сферу философии. Постепенно выкристаллизовывается проблематика, дискурс и методология каждой из этих сторон. Данный процесс расслоения принято определять как процесс «отпочкования» отдельных частных наук от философии, который продолжался много столетий. Однако, на наш взгляд, точнее было бы говорить о процессе размежевания двух мыслительных традиций (науки и философии) и их выделения из единого идейного и концептуального пространства – «мира теоретической рациональности».

Основным механизмом выделения науки в самостоятельную сферу теоретического освоения действительности является ее конституирование. Раньше других наук конституировалась математика. В геометрии такой точкой отсчета явилось создание геометрии Эвклида, сформулировавшего систему ключевых понятий и исходных допущений (аксиом), а также метод выведения из концептуального базиса теории – *теорем*, т.е. «текста теории». Аналогичную задачу в физике выполнил И. Ньютон в XVII в.

Вообще конституитивность – это система общезначимых предпосылок познавательного процесса, совокупность условий рациональной мыслимости и понимаемости объекта исследования. В этом контексте мы можем выделить решение следующих задач в физической науке на стадии ее конституирования: во-первых, было обеспечено формирование принципиально новой *научно-исследовательской стратегии* в познании природы, во-вторых, была заложена *матрица научной рациональности* (классический тип), в-третьих, был дан толчок становлению первой (классической) *научной картины мира*, в-четвертых, был внедрен *количественный подход* к описанию и объяснению природных явлений, а *эксперимент стал важнейшим средством в познании физического мира*.

Третья стадия эволюции науки как феномена культуры – это реформирование. Классическое естествознание вступило в эту стадию на рубеже XIX – XX вв. в результате научно-концептуальной

революции. Речь шла о коренной ломке старых классических понятий и представлений (пространство, время, причинность, масса, энергия и др.), об открытии новых законов и формировании новых физических теорий. Интенсивно развивается методология науки, растет интерес к исследованию *оснований научного знания* (физика, математика, математическая логика), классическая рациональность заменяется неклассической, а ньютоновская картина мира уступает место релятивистской, квантово-механической и вероятностной. Возникает необходимость перехода от одноплоскостного понимания мира к многомерному, многоинтервальному. Наблюдается процесс релятивизации научного знания. Дух релятивизма и плюрализма становится господствующим умопостроением эпохи. В этих условиях становится актуальной разработка интервальной методологии, которая, вбирая в себя принцип относительности, предполагает вместе с тем и опору на момент абсолютности и инвариантности в человеческом познании.

Четвертая стадия эволюции науки – это начавшаяся на рубеже XX-XXI вв. научно-технологическая революция. Мы наблюдаем новый качественный скачок, который представляет собой глубокую трансформацию науки в качестве системы знания и социального института, приведшую под влиянием глобальных технологических прорывов к изменению самой сути науки, ее целей и задач, ее места в обществе, в экономике, образовании и т.п.

Если на первых стадиях своей эволюции наука отгорожена от жизненного мира людей, то теперь она активно вторгается в него, преобразуя его благодаря технологическим успехам в новые формы. Парадоксальным образом мир науки вернулся в повседневную жизнь, серьезно меняя ее смыслы и ценности. Истины науки теперь не только не возвышаются над конечными материальными интересами людей, но, напротив, облекшись в форму инновационных знаний и технологий, оказываются наиболее прибыльным делом, способным удовлетворить мирские интересы миллионов. Весь деловой мир за всю свою историю не принес людям такого практического результата (с точки зрения конечных материальных интересов людей), как инновационная мысль ученых за последние десятилетия. Наука, таким образом, оказалась самым мощным, самым эффективным инструментом достижения людьми своих повседневных целей.

Наука повернулась лицом к людям, более того, она пришла на рынок, коммерциализируя свои цели и задачи. И здесь ее ожидал очередной парадокс: рынок не только стал получать прибыль от эксплуатации науки, он решил подчинить ее. Он захотел, подобно старухе из известной сказки Пушкина о рыбаке и рыбке, чтобы наука стала служить ему на посылках. Рынок не только ненасытен в своей алчности, но он готов оседлать науку, сделав ее колесиком и винтиком своего механизма. Но природа науки заключает в себе одну тайну: она не может существовать без творчества, без постоянного и все возрастающего продуцирования инновационных идей. При этом заметим, что творит не наука, а конкретная личность, конкретные научные коллективы. А творчество, как важнейшее сущностное антропологическое свойство человека, невозможно без формирования в творце духовного начала. Именно из этого чистого источника в свое время и произошла наука. Но если иссякнет этот источник, иссякнет и научное творчество в его высших, универсальных проявлениях. И как следствие – оскудение самой науки. И тогда самодовольная и бездуховная технократическая цивилизация окажется у разбитого корыта.

Нередко, говоря о современных сдвигах в сфере взаимосвязи науки и социума, употребляют термин «научно-техническая революция», однако, как показывает анализ, более точным является концепт «научно-технологическая революция». Характерным для нее является не просто повышение роли науки в обществе в связи с техническим прогрессом, а такие изменения в социуме, когда новые знания, – и особенно технологии, – становятся стержнем развития и науки, и общества.

Дело в том, что, – пишет Б. Г. Юдин, – «сегодня технологическая роль науки стала доминирующей, а многие даже видят в создании новых технологий единственную функцию науки» [2]. В начале XXI в. есть серьезные основания говорить о качественно новой стадии развития науки и техники; этот феномен даже получил специальное название – технонаука. Британский социолог науки Барри Барнс отмечает, что «термин «технонаука» ныне широко применяется в академических кругах и относится к такой деятельности, в рамках которой наука и технология (подч. мной – М. Т.) образуют своего рода смесь или гибрид... технонауку следует понимать как специфически современное явление» [3]. Социолог В. Шеффер считает, что «технонаука – это гибрид ученой технологии и технологизированной науки. Всемирная телефонная связь и генетически модифицированная пища – технонаучные вещи: своим вторжением в наш мир они обязаны замысловатому переплетению определенных человеческих интересов с современным пониманием электричества, с одной стороны, и генетики – с другой» [4]. Любопытно, что такой симбиоз науки, техники и человеческих потребностей изменяет саму науку, поскольку от науки здесь уже не требуется познавательная функция в ее традиционном понимании в духе классической и даже неклассической рациональности. Некоторые авторы еще более категоричны, утверждая, что наука не должна по сути, объяснять и *понимать* те или иные процессы. Достаточно, если она позволяет эффективно *использовать* или *изменять* в нужном направлении. Тем самым прежние отношения науки и технологии принципиально перестраиваются. Если раньше научные исследования были основанием для создания тех или иных технологий, то теперь научные исследования «встраиваются» в механизмы создания и получения новых технологий. Интересно не только то, что подобные трансформации происходят в реальности, но и как они осмысливаются. На поверхности все вроде бы остается по-старому: провозглашается, что наука – это ведущая сила технического прогресса, который в свою очередь, *использует достижения* науки.

Однако на самом деле все больше областей науки «обслуживает» создание новых технологий, и в обществе обслуживающая функция науки получает активное признание. В итоге регулятивом научной

деятельности становится не получение знания, претендующего на истину, а получение результата, который может быть использован в нужной для обычного человека технологии. «Такого рода трансформации... в частности, реальный переход науки с авангардных на служебные роли, начинаются в сфере естественных наук, но затем захватывают и науки социально-гуманитарные» [1]. Трудно однозначно оценить новый виток взаимоотношений науки и общества. С одной стороны, наука включилась в рыночную экономику и ее интересы оказываются все более соизмеримы с интересами обычного человека – и это позитивный процесс. Так сказать, она пошла на рынок и оказалась там вполне платежеспособна. Но, с другой стороны, направления научных исследований во многом сейчас определяются этим «обычным человеком» («кто платит, – тот и заказывает музыку»). Финансирование научных исследований зависит от того, насколько востребованным окажется результат разрабатываемых в ходе исследования технологий. Достаточно неожиданно оказалось, что жизнь человека буквально вплетена в ткань научных изысканий и зависит от них прямо и опосредовано. Мы носим синтетическую одежду, едим модифицируемые продукты, лечимся новооткрытыми лекарствами, отдыхаем у телевизора и т.д. Но парадокс заключается не в том, что наука служит человеку. Это, в конечном итоге, было всегда, на любом этапе развития научного знания. Но чтобы обычный человек по существу диктовал, в каком направлении проводить исследование, каким технологиям отдать предпочтение – такое еще в прошлом веке и представить было невозможно. Сейчас научно-технический прогресс все заметнее ориентируется на потребности массовидного отдельного человека, который выступает в качестве главного потребителя того, что дает этот прогресс, и во многом оплачивает его. Не случайно (несмотря на очевидные успехи в сфере технологии), нынешнее состояние науки многие публицисты и ученые воспринимают скептически или пессимистически. Джон Хорган в 1996 г. опубликовал книгу «Конец науки» (на русском языке она вышла в Москве в из-ве «Амфора» в 2001г.) [5]. Автор говорит, что эпоха великих открытий закончилась и никогда нам не постичь главных тайн «божественного разума» (выражение Стивена Хокинга). Парадоксально выглядят на первый взгляд и выводы американского физика Джеймса Хьюбнера, который считает, что нынешнее состояние науки сопоставимо с эпохой «темных веков» (периода Европейской истории после развала Римской империи и до эпохи Возрождения). По его мнению, прогресс науки давно прошел пик развития (в 1915 г.) и с тех пор резко замедлился. А кажущийся прогресс объясняется ростом населения Земли.

Биолог Гарри Стент выпустил книгу «Конец прогресса», где предсказывает, что прогресс прекратится либо при жизни этого поколения, либо через одно-два поколения. Число пессимистических прогнозов относительно будущего науки столь велико, что в Нобелевской лекции по физике в 1996 году Дэвид Ли был вынужден резко осудить авторов апокалипсических прогнозов относительно судеб науки.

Заслуживает широкого обсуждения и еще один аспект проблемы. Радикальное изменение места и роли науки в цивилизационном процессе заставляет вспомнить, что в XX в. человечеству был преподан жестокий и зримый урок. Речь идет о том, что впервые достижения науки были широко использованы в военном деле, причем в планетарном масштабе. Две мировые войны плюс ряд техногенных катастроф унесли огромное количество жизней и нанесли невосполнимый вред окружающей природе. Это следует считать предостережением... и вспомнить, что наука является общечеловеческим достоянием и ее достижения носят наднациональный характер. В известной степени показателем того, что этот урок был воспринят, является появление техники, общественных организаций, деятельность которых направлена на выработку критериев оценки ответственного использования технических устройств и технологий. Техноэтика опирается на традиционные религиозные и культурные основания для создания норм, регулирующих отношение к новым устройствам и технологиям, а также к научным исследованиям. Однако пока техноэтика выглядит как иллюстрация того, что проблема только начинает осознаваться, поскольку ни обязательных требований соблюдения ее норм, ни признания в мировом масштабе она не получила.

Реальная опасность заключается в том, что в XXI в., усиливается дисбаланс между развитыми и так называемыми «мертвыми» странами в темпах роста инновационной экономики и развития науки в целом. Это происходит за счет: а) разрыва в оплате высококвалифицированного труда (американский профессор, например, получает во много раз большую зарплату [7], чем профессор в России); б) «утечки мозгов», когда студенты и выпускники вузов стремятся найти более высокооплачиваемую и интересную в научном плане работу в других странах; в) все более интенсивного вложения капитала в перспективные наукоемкие технологии; г) модернизации образования. Между тем в глобальной перспективе надо стремиться к сглаживанию различий между странами в этом отношении – ради сохранения мировой стабильности.

Наука сейчас не просто убедила мир в своей полезности: современная наука жестко встроена в инновационную систему общества, являясь основным и исходным звеном экономики развитых стран. Можно ли сказать, что целью современной науки является удовлетворение потребностей человека? Ответ на этот вопрос обнажает силу и слабость нынешнего ее состояния: да, наука все больше обслуживает человека, но человека-потребителя, не поднимая его потребностей (как раньше) на высший, духовный уровень. Рыночная экономика все больше навязывает науке свои идеалы. Человек как объект изучения становится постоянным клиентом исследований, но вновь – в основном как потребитель (и потенциальный инвестор). Прагматический подход к нему настолько беспокоит мировую общественность, что созданы авторитетные общественные комитеты, допускающие к публикации только те исследования, в которых не нарушаются этические нормы в отношении испытуемых и объектов эксперимента. Внедрение этических норм в науку декларировалось как необходимое еще И. Кантом и его можно было бы только приветствовать, но неоднократно отмечалось, что оно: 1) нередко носит формальный характер; 2) относится не ко всем научным направлениям.

Человек как объект исследования неисчерпаем в информационном отношении и мы высказываем надежду, что в будущем «обществе знаний» он станет интересен науке больше как создатель, а не потребитель.

На наш взгляд, нынешнее состояние науки – лишь этап в ее развитии. Только освобожденная от диктата экономической рентабельности наука способна заняться вновь своей подлинной функцией: познанием мира и человека. Но прежде она должна использовать возможности третьего этапа как можно полнее.

Дж. Хорган, книгу которого мы упоминали, считает, что конец XIX - начало XX века обогатили науку великими концепциями:

- теорией эволюции;
- общей теорией относительности;
- квантовой механикой;
- теорией большого взрыва.

Начало XXI века показало, что эпоха великих открытий миновала. Я не сомневаюсь, – пишет он, – что исследователям удастся найти эффективное лекарство от рака, шизофрении, СПИДа и других болезней, доступные источники энергии, отличные от ядерного синтеза. В царстве фундаментальной науки ученые, несомненно, смогут понять процессы образования Галактики, зарождения жизни на Земле... Но интенсивное развитие компьютерной техники заслоняет от обывателя длительную стагнацию в сфере математики, физики и психологии. Ученые утратили рецепты по добыче принципиально новых знаний и живут, в основном, старым багажом. Хорган оценивает современную науку как «комическую» и «ироническую». Думаю, что для иронии есть место, но только в случае, если финансирование фундаментальных исследований будет походить на «крохи с барского стола» прикладных наук. Хорган недооценивает жажду познания *homo sapiens*, которая многие столетия была его видовым свойством и таковым, несомненно, останется (если жажда комфорта не погасит его).

Создается впечатление, что мы находимся в точке бифуркации, причем природные силы еще оставили у человека право выбора: прогресс на основе резкого изменения вектора пути или апокалипсис. Отметим попутно, что если в предшествующие десятилетия многие философы и ученые считали выходом из тупика мощное вторжение нравственности во все основные сферы социальной жизни, то теперь довольно и простого рационального анализа, чтобы увидеть бесперспективность дальнейшего движения по инерции. Сама наука настойчиво требует от сферы образования не превращать последнее в еще одну «сумму технологий», а формировать у следующего поколения креативность, силу духа и понимания уникальности жизни. Если возможна новая революция в науке, то, может быть, возможна и новая эпоха Возрождения?

Наука, как мы видим, с момента своего зарождения была деятельностью по производству рационально организованного и системно построенного знания. При этом главная задача ученого заключалась в поиске истины об окружающем мире, какие бы сложности не вставали перед ним на этом пути. В этом состояла ключевая идея научного этоса. В этом смысле наука относилась к сфере духовного производства. Познание законов природы, ее устройства, ее тайн и загадок – вот что привлекло ученого и стимулировало его творчество. Тот факт, что плоды науки с течением времени находили все большее применение в повседневной жизни, в сфере материального производства, создавая основу технического прогресса, не отменял того, что наука по-прежнему оставалась идеально-теоретическим способом освоения мира человеком.

Однако, как отмечалось выше, на переломе XX и XXI вв. ситуация качественно изменилась. Наука все больше становится частью нового цивилизационного процесса инновационной деятельности, задача которой – производство технологий, применяемых во всех областях многогранной жизни социума. Появление этой новой сферы (техносферы) связано с тем, что мы называем научно-технологической революцией. Таким образом, четвертая стадия эволюции науки – это ее глубокая технологизация, информатизация, прагматизация. И здесь возникает принципиально важный вопрос: что же останется в итоге от науки в ее прежнем классическом смысле слова? Какова здесь тенденция? Сужение сферы науки как производства «чистого знания» (которое ранее создавалось «чистым разумом») является ли естественным и неизбежным процессом на ближайшую перспективу? Может ли человечество и технический прогресс обойтись без гуманистического прогресса науки?

В решении всех этих вопросов сегодня цивилизация, переживает такой момент своей эволюции, когда мы, осмыслив до конца ситуацию, должны сделать судьбоносный выбор. Если наступил «конец науки» (Дж. Хорган), если наука в классическом варианте больше не нужна и нам достаточно развивать ее научно-технологическую, инновационную составляющую – это один вывод и один выбор со всеми вытекающими отсюда последствиями. Другой выбор связан с пониманием того, что наука в ее изначальном смысле не только сохраняет свою принципиальную значимость, но и в ближайшем будущем станет еще более важным фактором в развитии современной цивилизации. Однако история отвела нам мало времени, чтобы понять суть проблемы и сделать правильный выбор. В этом специфика современной ситуации в ее глобальном измерении. То, что без солидного развития фундаментальных наук в перспективе начнется замедление и технического знания, было понято уже во второй половине XX в. Сегодня мы должны понять и осмыслить более важную проблему: может и должна ли наука развиваться не только в рамках инновационной деятельности, но и в ее фундаментальной ипостаси? Если на этот вопрос мы отвечаем положительно, то отсюда следуют важные выводы с точки зрения организации науки как социального института и с точки зрения ее этоса, ее целей и ценностей, ее места и роли в общественном прогрессе.

Источники и литература:

1. Хейзинга Й. Homo Ludens. Статьи по истории культуры / Й. Хейзинга. – М. : Прогресс-традиция, 1997.
2. Юдин Б. Г. Человек в обществе знаний / Б. Г. Юдин // Вестник Моск. университета. Серия 7 : Философия. – 2010. – № 3. – С. 65-83.
3. Barnes V. Elusive Memories of Technosciens. Perspectives on Science : [Электронный ресурс] / V. Barnes. – 2005. – P. 142-165. – Режим доступа : <http://nirpa.org/wp-content/uploads/2010/04/NIRPA-Workshop-Aant-Elzinga-paper.pdf>.
4. Shafer W. Ethikal pressure, organizational- professional conflict, and related workoutcomes among management accounts : [Электронный ресурс] / W. Shafer // Journal of Business Ethics. – 2002. – P. 263-275. – Режим доступа : <http://www.scribd.com/doc/74829945/09-Shafer-W-2002-Ethical-pressure-organizational-professional-conflict-and-Worc-Outcomes-Amang-Managament-Account-Ants-Summary>.
5. Хорган Джон. Конец науки. Взгляд на ограниченность знания на закате века науки / Джон Хорган; пер. с англ. М. В. Жуковой. – СПб. : Амфора, 2001. – 480 с.
6. Stent G. S. The Coming of the Golden Age: a View of the End / G. S. Stent. – N. Y. : The National History Press, 1969. – 146 p.
7. Обучение рынку / под ред. С. Ю. Глазьева. – М. : ЗАО «Экономика», 2004. – 639 с.